

Понемногу обо всем

Моск. правда, -1993. - 12 окт. - с. 13.

Евгений ВЕСНИК

Если бы меня спросили: «Что самое главное на земле и в космосе?» - я не стал бы подражать одному из лауреатов Нобелевской премии, который мог в часовой речи (он речи очень любил) раз пять-шесть по совершенно разным поводам говорить: «И это главное». В результате чего никто и не понял (ударение на букве «я»), что же все-таки «главное», что в связи с этим делать и как все «углубить» (ударение на втором «у»). Повторяю, не стал бы я подражать лауреату, а ответил бы по-своему: «Самое главное - это редакция «ВАГРИУСа».

Если бы меня спросили, что самое главное в предстоящей деятельности «ВАГРИУСа», я, задумываясь, ответил бы так:

1

«Совершенно необходимо закончить издание полного собрания моих сочинений, для чего требуется ускорить выпуск «Заключительного второго тома!».

Если бы меня спросили: «Что делать?», я ответил бы: «Запретить публично на заседаниях говорить больше трех минут, а участвовать в них не чаще одного раза в квартал. Научить говорящих правильно говорить, хотя бы в течение отведенных трех минут, на родном языке.

Создать изобилие во всем: дать возможность людям кормить себя, а не быть кем-то и чем-либо накормленными.

Считать конституцией и уголовным кодексом Божьи Заповеди и Нагорную проповедь Христа.

Работать, а не завидовать - и вот это главное.

Если бы меня спросили: «Что вы можете сказать по поводу сентябрьских событий в Москве?», - я ответил бы мудрейшей русской пословицей: «Не бывает бы счастья, да несчастье помогло». Еще есть самое что ни на есть главное: не терять ни при каких обстоятельствах Великого Чувства Юмора.

Предлагаю вашему вниманию мои короткие изыскания из кладезя этого изумительного чувства.

Я надеюсь во второй своей книге значительно увеличить количество образцов моих изысканий.. «И это самое главное!», до встречи в «консенсусе».

Нестареющая классика

1974 год. День милиции. Праздничный концерт в Колонном зале Дома союзов. Прямой эфир.

В зрительном зале работники МВД. В первом ряду самые-самые что ни на есть ведущие генералы, полковники. Чины! Кругом - нервная вибрация.

2

Объявляют меня. Читаю композицию из книги «Габровские уловки». Смеются, хлопают, не отпускают. Предлагаю зрителям монолог Городничего из 5-го акта гоголевского «Ревизора». Предложение принимается аплодисментами. Ну как же иначе! Городничий и милиция - что-то родственное! Читаю. Бурные аплодисменты. Еле-еле отпускают. Доволен. Ублажил.

Через два дня по телевидению показывают повтор концерта, посвященного Дню милиции из Колонного зала в записи. Монолог Городничего вместе со мной вырезан. Нэма монолога!

Звоню в редакцию: «В чем дело?»

- Ой! - отвечают, - у нас горе: сняты с работы редактор и режиссер съемки этого злополучного концерта. И вы в этом виноваты!

- Боже! Что я сделал нехорошего?

- Не надо было читать монолог Городничего! Вы всех подвели!

- Так ведь Гоголь же! В чем дело?

- Редактор не согласовал в вами текст, который вы будете читать на бис, - это раз, а во-вторых, режиссер - на тексте Городничего: «Ничего не вижу... Вижу какие-то свинные рыла и больше ничего!» - без злого умысла приказал оператору за телекамерой сделать панораму по лицам сидевших в первом ряду!

P.S. Лишь 12 лет спустя я снова был приглашен в концерт, посвященный Дню милиции, с просьбой не читать ничего из «Ревизора».

...А некоторые считают, что классика устаревает! Ха-ха!

Чудо-девушка!

«Я девушка» - этими слова великая русская актриса Александра Александровна Яблочкина начинала каждую встречу со студентами театрального училища им.Щепкина при Малом театре... А их было, как правило, две за учебный год. Эти встречи - часть ее общественной деятельности. Ее любили, цтили, уважали, берегли - добрые!

Ею восхищались, гордились - добрые.

Ей завидовали - злые.

О ней в течение чуть ли не ста лет сочинялись разного рода милые, добрые, наивные истории. Разобраться в том, какая из них правда, какая нет, - невозможно. Да и не стоит этого делать, так как они все добрые. В этом сочинительстве злым делать было нечего. Все нижеисследующее - факты.

Заседание художественного совета Малого театра. Государственного! Академического! Да еще ордена Ленина!

Константин Александрович Зубов (народный артист СССР да еще замечательный артист, к тому же - главный режиссер театра): «Александра Александровна, голубушка, большущая просьба. «Сверху» - министерством - театру навязывается постановка очень плохой, совершенно ненужной пьесы. Нам нужен сильный партнер для борьбы за освобождение театра от этой повинности. Не согласились бы вы навестить Вячеслава Михайловича Молотова, курирующего искусство, - заполучить его в наши ряды?»

3

Яблочкина (высоким, звонким, чистым голосом: «О, я с удовольствием. Когда?»

Зубов: «А вот сейчас же наберем номер телефона секретаря, и с Богом! Рядом ведь... (Это были времена, когда Совет Министров находился напротив гостиницы «Москва», в трехстах метрах от театра). Александру Александровну посадили в автомобиль, а художественный совет замер в ожидании возвращения своего парламентаря.

Через 40 минут появилась Яблочкина, улыбающаяся, раздурившаяся, с еще более выделившимися яблочками на пухленьких розовых щечках.

Яблочкина (здоровым, опять же - и как всегда - веселым высоким, но на этот раз чуть дрожащим от волнения голосом): «Поздравляю вас, дорогие мои! Еле-еле уговорила! Вячеслав Михайлович пьесу ставить нам... разрешил (Немая сцена).

А вот еще история.

Студент: «Александра Александровна, вы такая добрая, такая мягкая. Вот нас учат искать в ролях, когда злые бывают добрыми... Скажите, пожалуйста, вы были когда-нибудь на кого-нибудь очень злы?»

Яблочкина: «Почти никогда. О, я христианка! Я прощаю злое, нехорошее всем людям, и они делают в результате добрыми. Но однажды, Христа ради, должна признаться, была очень-очень зла на одного весьма солидного режиссера, который меня, ну, уж очень обидел. Я сделала ему замечание по поводу его бестактного, неинтеллигентного выступления на собрании труппы Малого театра и замочила его словами: «Вы забыли, что в этих стенах Ермолова играла!» На что он мне ответил: «Бабушка, с тех пор здесь три раза ремонт делали!» До сих пор не могу простить ему бестактность, хотя должна вам сказать, что при случае рассказываю эту историю, в кругу близких, как очень смешную».

Рассказывают и такое.

За полночь. Квартира Яблочкиной. Легким, мерным тиканьем часов приближается рассвет. На стенах, словно часовые, портреты известных людей. Среди них Александра Ивановича Южина, в которого хозяйка была без памяти тайно влюблена (по ее же словам).

В постели сладко спит великая актриса в ночной рубашонке, с чепчиком на голове. Кто-то будит. Просыпаться не хочется - сон уж очень хорош, но, видно, нужно, раз кто-то будит. Открывает глаза и... О, ужас! Две рожи полупьяных мужиков! Пахнет перегаром, водкой, чесноком... «Давай драгоценности», - выкрикивает одна из рож.

Яблочкина показала рукой на большую красивую шкатулку... Физиономии открыли ее, и алчные их глаза заблестели ярче лежащих в шкатулке драгоценностей. Схватили и ушли. Вдогонку высоким, но очень мужественно звучащим голосом обворованная произнесла: «Вам за меня попадет!»

Сама Яблочкина рассказывала: дальше снова сладкий сон! «Как это так? Как это возможно? Да после такого! Да я бы... Да ведь с ума можно сойти!» - тараторили все. Яблочкина спохватилась: «Ой! Я забыла вам сказать, что в картонной красивой коробочке лежала театральная бутафория под золото и алмазы. Цена им грош!»

Ну, не чудо ли Александра Александровна?

4